

18+

София Кульбицкая

ХОЛОДНОЕ ОБАЯНИЕ БЕЗДНЫ

Герцогство Венниратское: книга III

София Кульбицкая
Холодное обаяние
бездны. Герцогство
Венниратское: книга III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65841142

ISBN 9785005502414

Аннотация

...Если речь идёт о других, то я почти готов сказать – он непобедим. Но беда в том, что против главного своего врага – самого себя – он бессилен. И это рано или поздно приведёт его к неизбежной гибели, если только не произойдет нечто такое, что его остановит. И я молюсь, чтобы это произошло...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1	5
2	11
3	20
4	25
5	29
6	40
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	46
1	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Холодное обаяние бездны
Герцогство
Венниратское: книга III**

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2022

ISBN 978-5-0055-0241-4 (т. 3)

ISBN 978-5-0055-0242-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

– Господин! Господин, просыпайтесь!.. Да просыпайтесь же!

Сир Филладор замычал сквозь сон, заворочался. Кто-то с силой тряс его за плечи. Он с трудом разлепил один глаз, чтобы увидеть нависшее над ним добродушное усатое лицо мэтра Богоша – когда-то его крепостного, а теперь, скажем так, друга. (Настолько, насколько Филладор вообще был способен дружить с низшими. Да и просто дружить.)

Мэтр Богош, вот уже лет двадцать как вольный человек, обожал своего бывшего господина – и всегда встречал его радостной улыбкой, когда тот заходил к нему в трактир пропустить стаканчик-другой. Но сейчас он не улыбался. Круглое, блестящее от пота лицо было встревоженным:

– Ну слава Небесам, прочухались! Немедленно поднимайтесь, господин! Беда!

– Что случилось? – недовольно проскрипел Филладор, раздирая второй глаз и приподнимаясь на локте.

– Бежать надо, господин! Хватайте Лею, собирайтесь и бегите! Можно ко мне, у меня они искать вас не станут...

– Да кто они-то?..

– Крестьяне! – бедный трактирщик чуть не плакал. – Они взбунтовались! Нынче же утром подымут на вилы и вас и вашу супругу, если не поберёжётесь! Вставайте же, господин, поговорить обо всём этом мы успеем после!

– Погоди, да ты-то откуда знаешь?..

– Да мне ли не знать, это всё в моём кабаке и решалось! Они и меня заставили с ними пить. Еле выскочил – и сразу к вам!

Сир Филладор недовольно поморщился:

– Ну ясно. Обычная пьяная болтовня. И ты из-за этой ерунды разбудил меня?..

– Да как же ерунда, господин...

– Да ерунда, конечно. Я эти «восстания» сотни раз видел. Сейчас они там нажрутса до потери сознания да и завалятся спать. Дай же поспать и мне.

С этими словами он отвернулся от опешившего Богоша, накрылся с головой одеялом и демонстративно захрапел.

– Хеорг неверующий!!! – тот с новой силой затряс его за плечо. – Себя не жалеешь, так хоть жену пожалей! Ведь это же звери, женщину они не сразу убьют, а сперва насильничают!..

– Не говори глупостей, – донёсся до него глухой голос из-под одеяла. – Никто мою Лею насиловать не станет. Лет двадцать назад ну ещё куда ни шло...

– О глупец, да неужели ты не слышишь, что вокруг тебя происходит! – возопил Богош. – Кругом мятежи! Герцогство

пылает! Знал бы ты, сколько путников с новостями каждый день проходит через мой трактир!..

Но Филладор уже ничего не слышал или делал вид, что не слышит, благодушно и размеренно похрапывая под своим одеялом.

Мэтр Богош выскочил из опочивальни. Через некоторое время он вернулся, но уже не один. За ним семенила женщина средних лет, уже слегка расплывшаяся, но ещё с видимыми следами былой красоты на лице; судя по выражению этого лица и некоторой растрёпанности волос и платья, на сей раз слова Богоша не пропали даром.

– Хеорг! Хеорг!!! – Она подскочила к узкому ложу и с силой затрясла супруга за плечо. На этот раз господин Филладор аж подскочил на постели:

– Да что вам всем надо от меня, мрак вас поглотит?!..

– Хеорг, но ты же слышал, что сказал мэтр Богош...

– Ты-то куда лезешь, глупая баба?! – рассвирепел Филладор. – Трусишь? Беги, спасайся! Я не держу. А меня оставьте в покое...

– Хеорг, но как же... – расплакалась Лея. На Филладора это не произвело ни малейшего впечатления:

– Ты что же, хочешь, чтобы я унижался перед всей этой чернью? Прятался где-то, как нашкодившая собачонка? Да не будет этого никогда!

Сказав так, он снова укрылся с головой одеялом и нарочито громко захрапел. Ещё некоторое время Лея пыталась

воздействовать на него слезами и увещеваниями. Тщетно. Господин Филладор, судя по всему, решил не просыпаться из принципа, – а, стало быть, разбудить его было в принципе невозможно.

– Вот упрямый! – Лея в отчаянии оглянулась на своего спутника. – Вот и всегда он так...

Лицо Богоша было мрачным.

– Может, он и прав, Лея, – пробормотал он. – Может быть, он и прав...

– Да как же прав?! Ты ж сам только что говорил, что...

– Оставь его. Он имеет право на свой выбор. Предоставь его судьбе и бежим отсюда. Бежим вместе.

– Никогда я его не оставлю, – заявила Лея, воинственно скрестив руки на груди. – Он муж мой и господин, и я буду с ним в горе и в радости. Или приму смерть вместе с ним. Как бы он ко мне ни относился.

– Ну хорошо, – озадаченный Богош почесал в затылке. – Тогда сделаем так. Ты иди пока, собери всё необходимое. А я тут что-нибудь придумаю...

– Ох, Создатель, что же мне брать-то, я и не соображу, – снова расплакалась женщина. – Так это всё не ко времени...

– Миленькая моя, разве ж такое бывает ко времени?.. Ты, главное, собери драгоценности. Всё, что можно будет обратить в деньги, когда всё закончится. Потому что я надеюсь, что это всё-таки закончится...

Лея послушно шмыгнула за дверь; её мелкие шажочки по-

немногу стихли в коридоре. Богош тоже притих и некоторое время осторожно прислушался к сопению своего строптивного друга. Похоже, за это время тот и вправду успел заснуть. Притом довольно крепко.

«Отлично, – подумал Богош. – Только бы он теперь не вздумал проснуться».

Он постоял несколько секунд, прикидывая что-то, затем осторожно, но решительно взялся за край простыни. Сир Филладор промычал что-то, но не проснулся. Богош осторожно потянул простыню кверху.

– Баю-баюшки баю... – напевал он про себя, чтобы не разбудить своего друга, – не ложися на краю... Хотя вот сейчас... вот сейчас как раз ложися... вот так...

...Когда Лея вернулась, одетая, причёсанная и с тугим узелком в руках, её спящий супруг был уже надёжно спелённут по рукам и ногам, как невинный младенец. Лея, взглянув на довольного Богоша, испуганно ахнула:

– О Небеса, что ты с ним сделал?..

– Ничего страшного, – успокоил её трактирщик. – Я просто придал ему компактную форму, чтобы легче было тащить. Надеюсь, ты мне поможешь. Раньше я бы и сам справился, но в последнее время колено что-то беспокоит...

– Но что, если он проснётся?!

– Пусть просыпается. Теперь это уже не так важно. Если только твои нежные ушки выдержат то, что он при этом скажет...

– Ушки выдержат, – твёрдо пообещала Лея. – А далеко нам идти?

– Недалеко, – вздохнул Богош. – Но придётся немного посидеть взаперти. Есть у меня один секретный погребок, где я храню свои лучшие напитки. О нём никто не знает. Если бы знали, вся торговля бы моя пошла прахом. Там я вас и спрячу.

– Но мы же не сможем всю свою жизнь просидеть в погребе, – ужаснулась Лея. – Хеорг мне этого не простит...

– Не беспокойся. Отсидитесь на первых порах, думаю, это займёт дня два-три. А там видно будет. В самом крайнем случае я найду способ переправить вас куда-нибудь подальше...

– Как же ты нас переправишь? Для начала ведь придётся выйти оттуда, а если всё так, как ты говоришь, у тебя в эти дни отбоя не будет от посетителей...

– Увидишь, – подмигнул ей Богош. – Ладно, разговоры потом, пора поторапливаться. Скоро рассветёт. Бери-ка его за ноги, а я возьму за плечи. Вот так... осторожнее...

2

Опасения наших друзей отчасти оправдались. На середине длинного коридора господин Филладор и вправду проснулся, и Лея только тогда поняла, почему Богош поставил её в ноги. Таких ругательств она ещё никогда от мужа не слышала.

Но, когда они подошли к выходу на потайную лестницу, ведущую в подземные помещения замка Филладор, и Богош велел Лее аккуратнее спускаться по ступеням, чтобы не споткнуться, их пленник так возмутился, что даже ругаться перестал:

– Так какого же рожна ты сюда меня тащишь? Уж в своё собственное подземелье я и без твоей помощи мог бы попасть!

– погоди, – поморщился Богош, и без того уставший и злой от всего, что уже пришлось ему выслушать. – Скоро сам поймёшь. Осторожнее, Лея.

– Ну-ну, – иронически заметил спелёнутый пленник, но ругаться на всякий случай перестал. Видимо, опасался, что мэтр Богош не выдержит, да и отпустит его головой об лестницу.

Тем не менее спуск прошёл благополучно. Наши беглецы вместе со своей безмолвной ношей спокойно прошли через анфиладу ухоженных, круглосуточно освещаемых факелами

подземных комнат и, наконец, оказались в её торце – там обнаружилось жёсткое, похожее на скамью ложе, небольшой деревянный стол и два табурета, а на стене висел большой, уже выцветший гобелен с какой-то охотничьей сценой.

Это, по всему, была комнатка отдыха для прислуги, которая обслуживала подземные помещения. Но сейчас тут никого не было. Кивнув Лее на скамью, Богош велел уложить туда скрежещущего зубами от злости господина Филладора.

– Неужели мне в кои-то веки удастся поспать? – осведомился тот.

Не отвечая, Богош приподнял край гобелена и показал Лее то, что обнаружилось под ним. Там была дверь.

– Что это? – воскликнула женщина.

– Разве ты не видишь? Дверь. И сейчас мы в неё войдём...

– Да уж конечно, – подал голос со своего ложа Филладор. – Эта дверь никуда не ведёт. Там, за ней, просто голая стена.

– С чего ты взял? – ухмыльнулся Богош.

– Да я это с детства знаю. Мне лет десять было, когда я пытался её открыть... или взломать... Но, уж поверь мне, эта дверь – чисто декоративный предмет интерьера, не более.

– Так тебе сказали родители, верно? – хитро прищурился Богош. – И ты поверил им, поскольку был послушным мальчиком. А у них просто не было ключа от этой двери, да и достаточной любознательности тоже. Чтобы её хотя бы топором разрубить. Вот они и предпочли завесить её ковриком.

– Не смей оскорблять память моих предков! – зашипел

Филладор. – И, кстати, какого дьявола ты так вольно обходишься с моими вещами?!

Но Богош уже не слушал его. Он с силой дёрнул за какую-то металлическую штуку в двери, которая казалась ненужным и странноватым элементом декора. Но тут выяснилось, что на самом деле это рычаг. Богош сделал два резких движения вверх и вниз, потом нажал на что-то – и наши супруги услышали сухой щелчок, после которого – о чудо! – дверь действительно приоткрылась, показав щель в тёмные, мрачные недра. Оттуда пахнуло сыростью. Лея нервно поехала.

– Нам придётся туда войти? – со страхом прошептала она.

– Да, – кивнул Богош, – и, более того, тебе придётся нести факел, поскольку другого освещения там нет. Благоверного твоего я уж, так и быть, дотащу сам. Эх, пропадай моё колесо...

– Да ладно, – раздался сзади недовольный голос, – я и своими ногами дойду. Развяжи ты меня, ради Создателя.

– А не сбежишь? – недоверчиво обернулся на него Богош. Филладор злобно оскалился:

– Уж не хочешь ли ты оскорбить меня предположением, что я и от вас буду бегать на полусогнутых? Не беспокойся. Унижений на сегодня мне уже хватит.

Секунду Богош размышлял, глядя то на него, то на притихшую Лею; затем широко улыбнулся:

– Ладно. Пойдёшь за ней следом, а я сзади вас буду на-

правлять. Коридор там довольно узкий, так что сбегать тебе и не удастся. Даже если очень захочешь.

Идти по мрачному, сырому подземному ходу при свете Леиного факела пришлось довольно долго. Хорошо ещё, что жена, запасливая, как все женщины, прихватила с собой не только пару его любимых башмаков, но и тёплый плащ, который он набросил прямо поверх нательной рубашки. И даже так он успел продрогнуть.

В голову лезли всякие нехорошие мысли. Не подкуплен ли его старый друг Богош? Что, если именно он и призван выдать их, и вся эта комедия – лишь для того, чтобы привести их, полусонными и голенькими, прямо в лапы заговорщиков?

Что ж, если всё так, решил Филладор – это только лишний повод держаться с достоинством. Да и куда бежать? Ему за шестьдесят, жизнь, в общем-то, прожита. В прошлом немало такого, о чём и вспоминать-то не хочется, а будущее ничего уже не обещает. Дети пристроены: дочери давно и удачно замужем, а единственный сын благоденствует при дворе великого герцога Венниратского и о старом отце вспоминает редко. Чего ему бояться? Кто о нём пожалеет?

Мысль об издевательствах и пытках, которым, скорее всего, подвергнет их это вонючее грубое зверьё, прежде чем повесить, его тоже не пугала. Он был неплохо знаком со своей недужной плотью и знал, что в нужный момент она не под-

ведёт. Что-нибудь да откажет: сердце или голова.

А Лея?.. Ну, Лея пусть выкручивается как знает. В конце концов это её решение. Да, может статься, эти твари и поми-люют её, вспомнив её происхождение и кем она была до того, как он возвысил её до себя.

Успокоив себя подобным образом, сир Филладор заметно приободрился – настолько, что даже ощутил вдруг интерес к самому путешествию и с любопытством заозирался по сто-ронам.

Надо сказать, дорога была довольно скучной. Интересно было разве то, что длинный узкий путь иногда раздваивал-ся, а то и троился, образуя перекрёстки, на которых Богош уверенно командовал Лее: – Направо! Налево! – Стало быть, подумал Филладор, тут есть и другие дороги и они тоже ку-да-то ведут?..

Впрочем, возможно, это были всего-навсего тупики. Сир Филладор решил не ломать себе голову зазя, а расспросить обо всём Богоша, когда они будут в безопасном месте. Если вдруг неожиданно окажется, что он и впрямь ведёт их туда, куда обещал...

Как это ни удивительно, Богош не солгал.

Чтобы попасть в убежище, им пришлось преодолеть ещё одну дверь – трухлявую, но крепкую, которую Богош даже не сразу сумел открыть, хоть Лея чуть волосы ему не со-жгла, пытаясь осветить место приложения усилий. Открыва-

лась эта дверь уже вполне обычным, хоть и несколько ржавым ключом; трактирщик заверил спутников, что ключ этот имеется только у него.

– Ибо если это не так, – ухмыльнулся он, – плакала моя торговля. Здесь у меня хранятся самые драгоценные дистилляты.

– А где мы, Богош? Я хочу сказать – что находится прямо над нами?

– Мой трактир и находится. Слышите? – он поднял палец кверху.

Откуда-то издали и впрямь доносились глухие удары и топот ног. Несмотря на глубокую ночь, наверху явно полным ходом шло веселье.

– Накачиваются для храбрости, – произнёс Богош почему-то шёпотом, хотя гости трактира никак не могли его слышать. – Мы успели вовремя...

– А они не ворвутся сюда? Ведь здесь, наверное, есть и прямой выход?

(Филладор успел только подивиться Леиной догадливости. Ему самому такие мысли даже и в голову не приходили.)

– Выход есть, конечно. Но им его не найти, он ведёт напрямиком в хлев. Едва ли они туда забредут, а если и забредут – вряд ли станут искать. Там сеном завалено. Да и заперто надёжно...

С этими словами Богош, наконец, справился с замком и впустил спутников внутрь.

Помещение и впрямь выглядело внушительно. Оно походило скорее на келью учёного монаха, нежели на винный погреб; деревянные бочки соседствовали тут с ретортами и ещё какими-то загадочными устройствами, коим сир Филладор даже не умел дать названия. Лея вертела головой во все стороны, вылупив изумлённые глаза и даже не заметив, как Богош отобрал у неё факел и с шипением потушил, сунув в огромное ведро с водой.

– А всё потому, – объяснил он, – что в помещении должен выдерживаться необходимый уровень прохлады и сырости, чтобы дерево не рассыхалось и спиритуозные фракции не испарялись раньше времени. Поэтому число светильников здесь никак не может быть превышено.

Путники с уважением воззрились на него, забыв даже о собственных горестях. Чтобы смягчить строгость своего тона, Богош плеснул в железную кружку одного из самых выдержанных своих дистиллятов и поднёс друзьям – дабы его утверждение не было голословным, а также для того, чтобы придать им сил и бодрости. Сейчас это им было необходимо.

Первым испробовал божественного напитка сир Филладор, затем Лея. Она, впрочем, не столько пила, сколько нюхала кружку, что вызвало у Филладора скрытое раздражение. Ему казалось что она просто выпендривается. Но она, видимо, знала толк в спиртах:

– О, Богоше, какое чудо! Здесь у тебя ведь сливовая косточка, верно?..

Богош довольно усмехнулся в усы:

– Да, это она, слива. Было две партии – с косточкой и без.

С косточкой вышло даже лучше.

– А ты чувствуешь косточку, Хеорг?

Филладор хотел раздражённо сказать, что у него в жизни хватает других забот; но в ту же секунду ощутил, что напиток и на него подействовал благотворно. Он согрел его замёрзшие конечности, весело побежав по жилам; угасил терзающий сердце страх и приятно ударил в голову. Взглянув на жену, Филладор неожиданно ощутил смутное желание, чего с ним не бывало очень давно.

– Чувствую, – ответил он, залихватски подкрутив ус. – У себя в штанах.

Богош одобрительно крикнул, а Лея залилась румянцем:

– Ох, ну ты уж скажешь, Хеорг...

– Пойдёмте, я вас уложу, – засуетился Богош, вовремя вспомнив свою роль хлебосольного хозяина. – Вам и впрямь не помешает отдохнуть. А как выпитесь, все вместе решим, что делать дальше...

Он провёл их в маленькую тёмную комнатку, как видимо, служившую ему самому спальней, когда он слишком задерживался в своей «лаборатории». Вместо ложа там было в изобилии навалено сено, очевидно, принесённое прямо из упомянутого хлева. На нём и устроились наши супруги, после того как уговорили ещё одну кружку с божественным напитком.

– Спите спокойно, – проговорил Богош, деликатно затворяя за собою дверь. – А я буду стеречь ваш сон и думать, как нам быть...

Но этих слов путники уже не услышали: сон, тяжёлый и спасительный, сморил их тотчас же, как только их головы коснулись импровизированного ложа. Они даже спасибо сказать не сумели. Единственное, что успел Филладор – это по-хозяйски опустить тяжёлую длань на крутое бедро жены...

3

Ему снилось что-то невразумительное, но очень неприятное. Он вздрогнул и проснулся.

Кругом стояла темень и полная тишина, только где-то рядом почти неслышно посапывала Лея. Остро и тревожаще пахло сеном; сухие травинки неприятно покалывали тело. Несмотря на это, сир Филладор не сразу вспомнил, где находится.

А когда вспомнил – чуть не взвыл от стыда. Сейчас, когда он хорошо выспался и в кои-то веки остался наедине с собой, вся картина происходящего увиделась ему до отвращения ясно.

Этот дурачина Богош – известный паникёр и к тому же небольшого ума. Что-то померещилось ему спяну, а он и рад стараться. Конечно, то, что он первым делом поспешил спасти своего бывшего господина, очень хорошо его характеризует. Но, как говорится, страшнее дурака только дурак с инициативой.

Впрочем, было бы неверно сваливать всю вину на него. Это низшим существам – крестьянам и женщинам – простибельна глупость. Но он-то, он-то, высокородный сир Филладор, как мог поддаться этим детским страшилкам?..

Зачем он пошёл на поводу у этих неразумных и позволил им вести себя, как барана, куда им хочется? Зачем вообще

встал? Пусть бы несли его на руках всю дорогу, раз уж им так приспичило. Может, и научились бы уму-разуму...

Ибо теперь, когда никто на него не давил, не запугивал и не хныкал над ухом, Филладор готов был поклясться: когда он вернётся домой (дай-то Создатель, чтобы поскорее!), он застанет там всё точно таким же, как и оставил. Никто его добро, конечно же, и пальцем не тронул, да и не соби-рался. Ну, а если его люди и выпили чуть больше обычного и на словах позволили себе лишнее, так это на совести всё того же Богоша.

Хотя скорее всего и происходило это только в фантазиях Богоша. Ну, а Богош...

Богош?!..

Филладора бросило в холодный пот. Он вдруг с чудовищ-ной ясностью представил себе продолжение всей этой исто-рии.

Сейчас Богош, конечно, чувствует себя на коне. Он «спас» их с Леей, оказал им ценную услугу, может быть даже рискуя своей жизнью и имуществом. Так он думает. Но пройдёт два-три дня – и он обнаружит, что ошибся. А что обычно дела-ют люди, когда понимают, что сели в лужу и выставили себя дураками?..

Правильно. Они тут же спешат выставить дураками дру-гих. И в первую очередь – тех, кто стал жертвой их энтузи-азма...

Сир Филладор словно воочию увидел перед собой жи-

вую картину: краснощёкий Богош восседает в торце крепкого дубового стола за кружкой неразбавленного дистиллята – и под громкий хохот довольной черни рассказывает эту уморительную историю всем, кто пожелает слушать. А слушать будут все, можно не сомневаться. Ибо нет большего удовольствия для смерда, чем всласть поржать над господами.

С этим может сравниться разве что удовольствие посплетничать. У простого люда, как известно, очень хорошо поставлена сарафанная почта. Так что можно не сомневаться, очень скоро над его приключениями будут хохотать не только его люди, но и чужая прислуга. А за ней и вся венниратская знать...

Сир Филладор вдруг отчётливо осознал, что тысячу раз предпочел бы смерть такому неопишуемому позору.

Но что же делать? Выход был только один – перехитрить врага и обернуть ситуацию в свою пользу. Так сказать, нанести удар первым. По счастью, у него, кажется, есть небольшой запас времени...

Он тихо встал, стараясь не разбудить Лею, и на цыпочках прокрался к двери. Ему повезло – петли были хорошо смазаны и даже не скрипнули. Он тихо выскользнул из их случайной спальни и осторожно заглянул в «лабораторию» – поглядеть, что там подельывает Богош. Как и ожидалось, тот сладко спал, запрокинув голову на спинку старого кресла и тихонько похрапывая в усы.

«Так-то ты стережешь нас, – мстительно подумал Филла-

дор. – Ну что ж, пеняй на себя».

Вот осёл – даже не подумал вытащить ключ из замочной скважины. Тем лучше. Филладор только боялся, что скрип открываемого замка разбудит нерадивого стража. Он же помнил, с каким трудом Богош накануне отпирал эту дверь!..

Но, видимо, трактирщик уже вчера успел подсуетиться и смазать замок. Ключ повернулся почти беззвучно. Сир Филладор осторожно толкнул дверь и выглянул наружу.

Фу, проклятье! Он и забыл, какая темень стоит в этом подземелье!.. Филладору смутно припомнилось, что вчера он видел где-то здесь лучины, целый пучок.

Так и есть: вот же они, на полке, в железной кружке. Толку от них, конечно, мало, но всё же лучше, чем ничего.

Он вытащил несколько про запас – и одну поджёг от открытого огня масляной лампы. При этом он невольно покосил на мэтра Богоша: не почувал ли тот сквозь сон, что в его святая святых источников тепла и света стало чуть больше, чем надо?!.. Но Богош спал спокойно и даже усом не пошевелил.

Зато Лея в соседней комнате застонала во сне. «Чует, что меня рядом нет, – подумал Филладор. – Надо поторапливаться.»

Стараясь ничем не скрипнуть и не стукнуть, он выскользнул из убежища и аккуратно затворил за собой дверь. Да, скудного света лучины вполне хватит, чтобы совершить об-

ратный путь в одиночку.

Немного беспокоило его, найдёт ли он дорогу. Ведь там было столько перекрёстков... Но он смутно помнил, что вчера идти было трудновато, что-то будто прилипало к ногам. Грязь. В ней должны были остаться следы, по которым он теперь и пройдёт.

Он опустил огонёк вниз, чтобы осветить поверхность, на которой стоял. Так и есть. Следы были видны очень хорошо, ему надо будет как следует постараться, чтобы заплутать.

– Что ж, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, – прошептал он, в последний раз оглянувшись на дверь. – Можете сидеть тут хоть всю оставшуюся жизнь, если вам нравится. А я возвращаюсь домой.

4

И сир Филладор пошёл домой.

Поначалу идти было легко и даже весело. Он чувствовал себя мальчишкой, сбежавшим из дому и попавшим в увлекательное приключение. Было даже немного досадно, что лучина так хорошо освещает путь, а перекрёстков, где надо хорошенько смотреть под ноги, попадается так мало.

Вот только голод его мучил. И впрямь, ведь со вчерашнего дня ничего не ел. Ну ничего, как доберётся до своей трапезной – велит подать на стол добрую яичницу. Мысль о том, что он в кои-то веки будет завтракать на полной свободе, один, как в холостяцкие времена, придавала ему сил, заставляя бежать чуть ли не вприпрыжку.

Но вдруг он споткнулся и резко остановился. Его поразило одно соображение, которое почему-то всё это время не приходило ему в голову.

Вот, допустим, всё пройдёт удачно и он окажется дома прежде, чем эти двое заметят его отсутствие. Трактирщик окажется в дураках. И что? Кто помешает ему распустить слух, что Лея, жена господина Филладора, пыталась убежать с ним?..

И впрямь, понял вдруг Филладор... Теперь, когда они остались там вдвоём, это выглядит очень убедительно. Куда более убедительно, чем всё остальное. Даже и слухов ника-

ких распускать не надо. Если б я был не я, я б и сам так подумал. И от души посмеялся бы над этим ослом Хеоргом, бароном Филладорским...

Кулаки его судорожно сжались, он уже готов был повернуть назад, чтобы защитить свою семейную честь. Пока это ещё возможно...

Но тут новая трудность, возникшая на пути, отвлекла его. Дверь. Та самая, о которой он совершенно забыл. Та, которую Богош открывал с таким трудом с помощью какого-то сложного кода. Известного только ему...

Оказывается, настоящего мужчину страх позора вовсе не сковывает по рукам и ногам, а, наоборот, придаёт скорости. Подумать только, всё это время он не стоял, как баран, на месте, а стремительно продвигался вперёд. И вот пожалуйста – в полумраке перед ним маячит препятствие. Он, кажется, только что собирался вернуться назад?.. Ну так вот она, уважительная причина.

Он смутно помнил, что Богош, двигая рычаг, изобразил что-то вроде креста. Но там, кажется, ещё надо было на что-то нажать, в общем, дверь была явно не из простых.

Филладор помрачнел. Вожденная яичница о десяти желтках, которую он уже видел перед собой так явственно, что, казалось, чуял ноздрями её аромат, снова отодвинулась на неопределённое расстояние. Впервые за всё это утро перед ним встала отчетливая перспектива вынужденного возвращения. С поджатым хвостом. Под крылышко Богоша.

Мысль о Лее и её женской репутации как-то сразу отошла на второй план. Он не мог сдать перед какой-то дверью. Отступить, даже не попробовав, было бы слишком глупо.

«В конце концов, – подумал Филладор, – вернуться я всегда успею».

Он шагнул вперёд, держа перед собой тлеющую лучину, устремил на дверь грозный взгляд... и тут же его лицо расплылось в счастливой улыбке. Опасения оказались пшиком. Замок был устроен так, что открывать его с помощью хитроумного кода приходилось только снаружи. Ну, а изнутри была обычная задвижка, которую – как тут же понял Филладор – можно было просто отодвинуть, нажав с некоторым усилием.

Облегчение и радость были так сильны, что и вторая мучившая его забота показалась сиру Филладору сущей ерундой. «Ладно, – подумал он. – Если даже такой слух и пройдёт – ничего страшного. Высеку Лею принародно, а потом выгоню прочь. И моя честь будет спасена».

Сказав себе так, Филладор бросился на дверь и с силой нажал на задвижку. Та, хоть и с неприятным скрежетом, но поддалась – и тяжёлая дверь приоткрылась. На мгновение Филладору стало дурно: ему вдруг показалось, что там, снаружи – и впрямь та самая глухая стена, о которой говорили ему отец с матерью.

Но то был всего лишь старый гобелен, который, оказывается, Богош успел перед уходом приладить на место.

Несколько секунд повозившись с ним, Филладор, наконец, выбрался наружу – и впервые за то время, что догорала очередная лучина, вздохнул с облегчением.

Он был дома.

«Скорее, скорее наверх! К свежему воздуху, тёплой постели и яичнице!»

Сир Филладор на удивление бодро преодолел подземную анфиладу и несколько первых витков потайной лестницы. Но здесь поневоле ощутил усталость. Всё-таки ноги были уже не те, что в юности, да и сердце тоже. Подниматься (да ещё на своих двоих) оказалось куда тяжелее, чем спускаться, и теперь на каждом витке Филладор останавливался, чтобы успокоить одышку и послать ещё одно проклятие мэтру Богошу, который втравил его в это дурацкое приключение.

Всё же он неумолимо шагал вверх и вверх; ещё немного – и доберётся. Где-то на середине пути сделал привал; отдохнул немного – и двинулся дальше с новыми силами. По его расчётам, идти осталось совсем чуть-чуть. На ступенях что-то темнело; Филладор сперва подумал, что это груды какого-то тряпья. Откуда бы ему тут взяться? Возможно, кастелянша свалила сюда грязное бельё, собирая к стирке.

Филладор хотел обойти эту груды, но вдруг испуганно вскрикнул. Она шевелилась!

Первым его побуждением было броситься назад. Но господин Филладор был старым воином и собственному страху не доверял. Надо было хотя бы посмотреть, что же там такое.

Он приблизился и чуть нагнулся, чтобы рассмотреть

странное явление. В следующий миг он понял, что перед ним. То был человек, заснувший в луже собственной блевотины; слава Небесам, не мертвый, но мертвецки пьяный. Он дышал. Это радовало. Хуже было то, что спящий был Филладору абсолютно незнаком.

Пугаться, однако, было рановато. Та же кастелянша могла выгнать спать на лестницу своего любовника, какого-нибудь стража, весёлого сверх меры. Демократичный сир Филладор решил не вникать в это и продолжать свой путь.

Он брезгливо обошёл спящую тушу и двинулся дальше. Два-три витка он миновал вполне благополучно. На четвёртом его встретило подобное зрелище, только более развернутое. Теперь на загаженной лестнице валялись друг на дружке сразу три тела, и, что хуже всего, они преграждали Филладору путь!

Возмущённый путник принялся ругаться, пинать их ногами, пытаясь хоть как-то сдвинуть с дороги. Тщетно. Спящие мычали что-то, но не просыпались. По-видимому, вчерашняя пирушка в трактире мэтра Богоша удалась на славу.

Филладору ничего не оставалось, как, преодолевая брезгливость, перелезть через эту живую баррикаду и продолжать восхождение. Это было всё труднее: во-первых, он устал, во-вторых, лестница была очень грязной, он поминутно на чём-то оскальзывался. Судя по запаху, то была блевотина и нечистоты. Кто-то, ему неизвестный, использовал его потайную лестницу как сортир.

По пути ему повстречались ещё два спящих тела; к тому времени возмущение и гнев Филладора дошли до такой степени, что он даже удивляться перестал. Ему хотелось одного: найти виновных и показательно разгромить наглецов, которые посмели, пользуясь его отсутствием, устроить в его замке вечеринку.

К счастью, он был уже близок к цели. Подъём закончился: перед ним была дверь, ведущая в жилое помещение башни. Филладор немного постоял перед ней, восстанавливая дыхание, и яростно рванул на себя железное кольцо дверной ручки.

Зрелище, которое открылось его глазам, было настолько чудовищным, что на несколько секунд он утратил способность дышать.

Это был не его дом. На миг ему даже показалось, что он каким-то чудом вышел не туда – и надо просто вернуться чуть-чуть назад и отыскать правильную дверь. Но некоторые разрозненные элементы обстановки, попавшись ему на глаза, тут же уничтожили возможность такого спасительного толкования.

Разрушение, хаос, кощунство, грязь, мерзость. Кровь, блевотина, нечистоты. Осколки, обломки, острый, заглушающий всё запах сивушного перегара. И чернь, отвратительная чернь, облепившая собой все замызганные углы подобно мерзким чёрным гусеницам в слишком жаркий год: спящая, сопящая, стонущая, икающая и пускающая газы во сне.

Что здесь было?.. Филладор пока не хотел, не мог, боялся об этом думать. Ясно было одно: оставаться здесь нельзя ни секунды. Богош был прав. Сейчас они заснули, насытившись уничтожением, и это дало ему возможность проскользнуть незамеченным. Но вот один из них застонал и перевернулся на бок. Вот он с трудом пытается разлепить хотя бы один глаз – мутный, серый. О Небеса, он смотрит прямо на него, господина Филладора!..

...Когда Филладор вновь обрёл способность думать, оказалось, что он уже мчится на всех парах по бесконечной анфиладе подземных комнат, не вспоминая ни о голоде, ни об одышке, ни о своих больных венах.

«Создатель, – молился он про себя, – только бы я не умудрился захлопнуть за собой ту заветную дверь!..»

Но дверь оказалась приоткрыта – просто потому (вспомнил Филладор), что запереть её было не так-то просто. Он машинально взглянул на свои руки и обнаружил, что всё ещё сжимает в кулаке последнюю оставшуюся у него лучину.

Недолго думая, он прикурил её от настенного факела, осторожно скользнул под гобелен, стараясь не повредить его аккуратный вид, просочился в узкую щель, с силой закрыл за собой дверь на задвижку – и, наконец, почувствовал себя в относительной безопасности.

Но расслаживаться было некогда. Нужно было торопиться, пока горит лучина, освещает ему путь.

Он вдруг понял, что второпях сделал глупость: надо бы-

ло не тратить лучину, а просто снять факел со стены. В прошлый раз он израсходовал целых две, правда, и путь был ему ещё плохо знаком. Успеет ли он дойти, пока слабый огонёк освещает ему дорогу? Не вернуться ли назад, пока не поздно?..

Нет. Снова искушать судьбу, когда ему второй раз за нынешнее утро удалось каким-то чудом спастись – это было бы чистым безумием. Ладно, подумал он, пойду побыстрее, а где дорога прямая, там и бежать можно.

Так он и сделал – пустился бегом, стараясь держать лучину перед собой так, чтобы движение воздуха не потушило её. Здесь, в узком сыром коридоре, бежать было тяжело – он вскоре почувствовал, что задыхается. Тогда он немного сбавил скорость и перешёл на быстрый шаг; так и думать было проще, а обдумать надо было многое.

Богош оказался прав. Если бы не он, в эту минуту Филладор уже раскачивался бы на одной из ветвей старого дуба во внутреннем дворе замка – как, верно, раскачивается сейчас его дворецкий и ещё десяток самых преданных слуг. Судя по тому, что захватчики не сообразили спуститься чуть дальше по винтовой лестнице, Мишо, старый сторож, который последние десять лет обслуживал подземные помещения, висит там же.

И это, пожалуй, самое лучшее, что могло с ним случиться. Филладор ничуть не питал иллюзий насчёт того, как далеко может в иных случаях зайти фантазия распалённой черни.

Теперь он мог в общих чертах представить себе то, что произошло ночью. Как и предрекал Богош, они ворвались в башню, вооруженные кто чем мог – но уже не нашли там ни своего господина, ни его супруги, и с досады принялись громить и уничтожать всё, до чего смогли дотянуться. А потом на обломках продолжили пирушку, начатую в трактире – и веселились до тех пор, пока не перепились вусмерть.

«Трактир Богоша тоже, наверное, разгромлен», – равнодушно подумал Филладор.

Но что же будет дальше? Вот так, в одночасье он оказался без дома и без денег, один-одинёшенек, если не считать жену и бывшего крепостного. Тот, конечно, обещал помочь, но чем он поможет? Он теперь и сам не в лучшем положении.

Конечно, все эти беспокойства не навечно. Теперь он вспомнил всё то, что слышал где-то краем уха, просто не обращал внимания. В последние годы он не интересовался политикой, старался держаться от неё подальше. Поэтому и не слушал все эти разговоры, которые считал пустым нагнетанием паники. Но теперь они сами всплыли в голове, составив цельную картину.

Откуда-то он знал: великий герцог Венниратский потихоньку собирает войска, чтобы наголову разбить взбесившуюся чернь и навести на своих землях порядок. Но как скоро это случится? Армию тоже надо собрать из кого-то, а верных людей осталось не так уж много. Нужны и деньги, а пока знатных баронов эта напасть не коснулась лично, они не спе-

шат раскошелиться. Но даже если герцогу в конце концов и удастся его предприятие – гражданская война может затянуться на годы и годы. А сидеть забившись в угол и ждать, пока эти твари найдут тебя в твоём убежище – сомнительная перспектива.

Да и куда он отправится? К друзьям? К детям? Это хорошо на день-другой, не более. А жить из милости и есть чужой хлеб высокородный сир Филладор никогда не умел и не будет.

Хорошо ещё, если у Леи хватило соображения уместить в свой узелок поменьше дамского шмотья и побольше всяких цацек и драгоценностей. Тогда и впрямь у них троих появляется шанс: хвала Небесам, одаривал он её всегда щедро. Денег, которые они смогут за это выручить, наверняка хватит, чтобы сесть на корабль – и начать где-нибудь за морем новую жизнь. Не так, конечно, Филладор мечтал провести свою старость, но что поделаешь, если новые правила этого требуют.

Жизнь, жизнь! Ничего нет дороже жизни...

Это была последняя отвлеченная мысль господина Филладора; в тот же миг он ощутил, как что-то жжёт ему пальцы. Он рассеянно взглянул на источник странного ощущения – и ахнул.

Лучина почти догорела!

Оказывается, он сжимал в пальцах совсем крохотный огрызок щепы, который – что самое неприятное – с каждой

секундой становился всё короче. Надо было поторапливаться, если только Филладор не хотел остаться в этом лабиринте навечно.

«Где я? – торопливо прикинул он. – Большая часть пути уже пройдена, это несомненно. Осталось два поворота, не более. Главное – их миновать, ну, а дальше – прямая дорога, её-то я и ощупью одолею.»

Сказав себе так, он почувствовал себя увереннее и зашагал вперёд так быстро, насколько мог. Главное, не паниковать, думал он на ходу. Паника ещё никого ни к чему хорошему не приводила.

Но трудно не паниковать, когда пальцам становится всё горячее. Филладор снова перешёл на бег. Он бежал так быстро, как мог, сипло и тяжело дыша, всё ниже перехватывая обожжёнными пальцами подлый огарок. По лицу его текли слёзы. Ну почему, почему он не вернулся за факелом?!

Но корить себя было поздно. Безумие тратить силы на страх и укоры самому себе: он ещё успеет заняться всем этим, когда выпутается из переделки. Вот и первый перекрёсток показался впереди. Всё не так плохо!

Филладор на бегу наклонился – следы были видны очень отчётливо. Спасибо, спасибо Создателю, что они так славно отпечатались в этой грязище!.. Он нырнул в нужный коридор, не задумываясь.

Цель была совсем близка, он мог поклясться, что на пути остался только один перекрёсток. Пальцы жгло немилосерд-

но. Бежать он больше не мог, задыхался. Но заставлял себя плестись из последних сил, сжимая спасительный огрызок щепы ногтями. Хорошо, что не обстриг накануне, хоть дура Лея ему все уши этим прожужжала...

– Ай!..

Огонёк добрался до живой, чувствительной плоти, и этого Филладор уже не смог выдержать. Завопив от боли, он отбросил то, что ещё оставалось от лучины, в грязь, и его единственный источник света, прожив ещё мгновение, с шипением потух.

Филладор остался в абсолютном мраке.

Странно, но в первый миг он даже обрадовался этому. Наконец-то можно было перевести дух и передохнуть немного. А заодно и подумать, в какую сторону двигаться дальше.

Ясно одно: здесь он в безопасности. Даже если твари и догадаются спуститься чуть дальше по тайной лестнице, сюда им точно не добраться. Уж во всяком случае он услышит их своевременно – и сумеет спрятаться.

Он в безопасности, это главное; остальное – мелочи. Впереди остался всего один перекрёсток; он почти не сомневался, что пройдёт его без затруднений. Ему смутно вспомнилось, что, кажется, именно там Богош отпустил солёную шутку: дескать, Лее, несущей факел, не стоит поворачивать налево, при живом-то Филладоре. Значит, они тогда пошли направо. Если только это был тот самый поворот...

Да, конечно, тот самый, он точно помнит. Под конец пути

они все уже притомились и даже Богош в кои-то веки перестал острить. Его шуточки иногда раздражают. И всё же спасибо ему даже за его сомнительное чувство юмора, которое теперь выручит Филладора из беды.

Сказав себе так, он совсем приободрился и потихонечку пошёл, держась за стену. Глаза понемногу привыкали к окружающей тьме. Спасибо предкам, оставили в наследство этот редкостный талант. Дед говорил: «Филладоры видят в темноте, как кошки».

Ну, это, конечно, преувеличение, но, как бы там ни было, заветный перекрёсток он уж точно не пропустит. Главное, зорче смотреть по сторонам...

...Он узнал его сразу, по сгустившемуся слева пятну густого мрака, ещё прежде, чем пальцы нащупали стесанный угол по правой стороне стены, которой он держался. Филладор чуть не заплакал от радости. Ему уже начинало казаться, что он целую вечность идёт в никуда по этой невидимой дороге.

Он остановился и ещё некоторое время отдыхал, пока не почувствовал, что готов двигаться дальше.

Так куда? Направо или налево? В последний миг он засомневался. Вообще-то такая вещь как юмор всегда была ему глубоко чужда, и он вовсе не был уверен, что верно понял ту скабрёзность обнаглевшего трактирщика. Может быть, они пошли как раз налево, и потому-то Богош так и пошутил?..

Направо или налево?.. Нет, кажется, он начал цепляться

к Лее задолго до последнего поворота. Так значит, направо?..

Филладор схватился за сердце: он вдруг с ужасом понял, что и сам не сообразит, где лево, где право. К счастью, боль в обожжённых пальцах вовремя подсказала ему ответ.

«Ладно, – подумал он, – пойду направо, а если почувствую, что иду как-то слишком долго – вернусь обратно и начну всё сначала. Теперь это уже дело нехитрое».

И Филладор повернул направо.

Сир Филладор повернул направо и пошёл – вперёд и вперёд.

Теперь, когда заветная цель приблизилась почти вплотную, он вновь почувствовал голод. Богош, правда, ничего им особо не обещал, кроме своих дистиллятов. Но ведь он, кажется, говорил, что из его убежища есть выход к трактиру?..

Ведь не всё захватчики расколошматили. Авось на птичьем дворе что-нибудь живое да осталось. Может быть, хозяин сходит туда и принесёт им что-нибудь поесть?..

Образ яичницы о десяти желтках вновь приятно овладел сознанием Филладора.

Но пока ничего подобного не предвиделось. Он шёл уже, по его расчётам, более десяти минут, но заветной двери не было и в помине. Ну почему, почему ему сразу не пришло в голову считать шаги?..

«Хорошая мысль приходит опосля», – с грустью вспомнил старинное выражение Филладор.

Видимо, он всё-таки ошибся в направлении. Да что там «видимо», хватит себя обманывать, это же очевидно. Значит, Лея тогда всё-таки пошла «налево». Ай, проказница!..

Ну ничего, отрицательный результат – тоже результат. Сейчас он просто вернётся к этому проклятому перекрёстку и теперь-то уж повернёт куда надо. Вот только передохнёт

немного...

Главное не паниковать. Ни в коем случае не паниковать.

Он посидел немного на корточках, затем встал и пошёл обратно. На сей раз дорога показалась ему гораздо короче – впрочем, как и любой обратный путь. Даже устать не успел, а уж перекрёсток тут как тут. Это показалось ему добрым знаком.

Хорошо. Итак, налево.

Теперь, когда он был уверен в правильности направления, его ноги словно сами пустились бегом. Голод и радостная надежда подстёгивали его. Он бежал так, пока вконец не запыхался. Отдохнул немного и пошагал дальше. Потом ещё немного отдохнул. Потом ещё...

Но где же, мрак поглоти, эта проклятая дверь?!..

Эх, не следовало бы в таком месте даже думать такими словами – «мрак поглоти». Собственно, это уже произошло. Филладор про себя порадовался, что в трудную минуту способен шутить не хуже Богоша. Но шутки шутками, а идёт он явно не в ту сторону; ничего не поделаешь, надо с этим смириться, скомандовать себе «Кру-у-гом!» и бодро маршировать назад, к спасительному перекрёстку.

Только вот действительно ли это тот самый перекрёсток? Может быть, там были и другие, которых он просто не заметил?!..

На сей раз Филладор двинулся медленно, не отрывая рук от стены, чтобы не пропустить даже самое узенькое ответв-

ление дороги, если оно вдруг возникнет на пути. Да, собственно, быстрее он идти уже и не мог, даже если бы и захотел. Всё-таки он был уже далеко не юн, плохо выспался, да и голод терзал его. С каждым шагом он всё острее ощущал, как последние силы покидают его измученное тело.

...Когда он, наконец, осознал, что заблудился, никаких сил у него уже не было.

Опускать руки нельзя. Надо что-то предпринимать. Не погибать же здесь, в самом деле?..

«Ладно, так или иначе я всё равно где-то близко. Далеко уйти я не мог. Скоро они проснутся, увидят, что меня нет, и пойдут меня искать.»

Филладор попытался прикинуть, сколько времени он провёл в подземелье. Часа два, не больше? А проспал сколько?.. Скорее всего, утро ещё и не наступило. Судя по тому, что кровавая чернь там, наверху, спала беспробудным сном.

Лея тоже встаёт рано, часов в пять-шесть. Старая неизжитая привычка из прошлого. Сегодня ей, правда, пришлось поздно лечь, но всё-таки...

Итак, сейчас около четырёх часов ночи. Где-то через два часа проснётся Лея. Увидит, что его нет, поднимет тревогу, и они с Богошем отправятся на поиски. И найдут его, конечно же.

Надо только подождать. Совсем немного подождать.

Но просто так сидеть и ждать было скучно. Да и страшно,

чего уж там. Ему начинало казаться, что он умер и попал в ад. Он попытался улечься на землю и подремать, но было холодно и сон не брал его.

«Попробую всё-таки найти дорогу. Времени у меня навалом. В конце концов, что я теряю?..»

И он снова побрёл во мраке по узкому ходу, держась за стену. Теперь он даже не пытался искать и запоминать направление, а просто шёл, куда глаза глядят. «Раз уж мои расчёты не оправдались, не вернее ли просто и безоглядно довериться Создателю?..»

Филладор вдруг вспомнил, что в подобных случаях принято молиться. И как это ему раньше в голову не пришло?!..

Он опустился на колени в жидкую грязь и принялся читать молитву вслух, с таким жаром, какого прежде в себе и не знал. Это помогло: то ли звук собственного голоса его успокаивал, то ли и впрямь Небеса внимали ему, но с каждым словом его всё больше охватывали неведомые ему прежде спокойствие и уверенность. Ну конечно же, Создатель не оставит его и выведет куда надо. Только нужно верить – верить, а не рассуждать...

Слепо довериться происходящему было очень приятно – раньше Филладор никогда такого себе не позволял. Он даже привалился к стене и заснул – прямо так, сидя.

...Проснулся он от ощущения, что его всего колотит; жуткий озноб сотрясал его тело, и нечем было ни прикрыться, ни согреться изнутри. Меж тем, кажется, у него был жар: Фил-

ладор понял это, потрогав рукой свой лоб. Сколько он проспал? Неужто он болен? И почему его до сих пор не нашли?..

Страшная мысль пронзила его воспалённый мозг. А вдруг он попросту проспал их приход? Что, если они ходили здесь неподалёку с факелами, звали его, но он спал так крепко, что просто их не услышал? И они решили, что он благополучно добрался домой и теперь преспокойно спит в своей кровати...

Небеса!.. А что, если... Если они подумали, не найдя его, что дома и вправду всё благополучно! И его жена Лея тоже решила вслед за ним отправиться домой!..

Лея...

Мысль эта была так чудовищна, что Филладор даже не хотел додумывать её до конца. Но страшные образы лезли в голову вопреки его воли.

– Лея!!! – заревел он, сам не зная зачем, только чтобы хоть как-то заглушить эти ужасные мысли. – Лея!!!

И тут же понял – нет, не может этого быть. Лея не ушла бы отсюда без него, не обыскав тут всё до последнего тупичка. Что бы ни говорил ей этот осёл Богош, она почувствует, что он где-то рядом. Почувствует, как всегда чувствовала. Она найдёт его.

Это его последняя надежда, единственное, что ему осталось. Люди отвернулись от него, Небеса отвернулись, даже собственный разум покинул его. Но Лея – Лея не предаст. Она услышит его даже сквозь стены, она позаботится о нём.

– Лея!!! – звал он из последних сил. – Лея!!!

В голове его мутилось, всё тело била лихорадка, от голода и слабости к горлу подкатывала тошнота. Но он всё же поднялся и сделал шаг вперёд на трясущихся ногах; потом ещё один. Он должен был идти – навстречу Лее.

Он передвигал ноги, уже почти не чувствуя под собой земли, хватался за ускользящую стену и звал, звал жену. Даже когда голос изменил ему, он всё ещё продолжал звать её. Он знал – она придёт и спасёт. Ведь она любит его...

Ведь и он её любит.

...Когда в конце коридора замерцал тусклый свет, он даже не удивился. Только улыбнулся пересохшими губами, радуясь и славя жизнь последними остатками угасающего разума. Он победил. Он знал. Он всегда верил.

Осталось только несколько шагов – добраться до источника света. И он проделал эти несколько шагов, с огромным трудом, но проделал. Перед ним была дверь, она была открыта. И он вошёл. В глазах его темнело; последнее, что он успел увидеть – длинный дубовый стол и сидевшие за ним люди, чьи лица были скрыты капюшонами.

Закатив глаза, Филладор рухнул на пол. Лею он позвать уже не успел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Первое, что он увидел, когда очнулся – лицо.

Мужское лицо. Ещё не старое, но и не юное, незнакомое, но чем-то располагающее. Дымка светлых кудрей надо лбом, тонко подстриженные усы, приятная улыбка. Ясные серые глаза, окружённые мелкими морщинками, рассматривали его внимательно, но с явным сочувствием.

Сир Филладор не привык доверять людям, тем более незнакомым. Но этим глазам почему-то хотелось довериться. Немного поколебавшись, он неуверенно улыбнулся в ответ.

В тот же миг симпатичное лицо исчезло из поля зрения. Филладор услышал голос: – Кажется, он приходит в себя! – и попытался повернуть голову на звук. Это было ошибкой: шею пронзила острая боль, отчего Филладор даже вскрикнул.

Зато теперь он очнулся полностью – настолько, чтобы вспомнить всё, что с ним произошло.

Судя по тому, что он был жив, его приключения каким-то образом закончились. И даже вполне благополучно. Это само по себе было большой удачей; поэтому Филладор решил

не искушать судьбу и не задавать пока лишних вопросов ни себе, ни другим.

Кое-что, впрочем, не мешало бы выяснить. Ему всё-таки удалось повернуть голову – медленно, осторожно, чтобы не повредить больное место. Оказалось, он лежит на узком ложе в небольшой, аскетично обставленной комнате – скорее даже кабинете, – а за столом у небольшого стрельчатого окна сидит за каким-то фолиантом уже знакомый ему незнакомец.

Чтобы привлечь к себе внимание, Филладор негромко застонал. Незнакомец тут же обернулся к нему с выражением живейшего участия:

– О, сир Филладор! Очнулись?..

– Кажется, да... – проскрипел Филладор, недоумевая. Похоже было на то, что незнакомец знал его куда лучше, чем он – незнакомца.

– Ну и как мы себя чувствуем?..

– Шея болит, – пожаловался Филладор, украдкой изучая собеседника и пытаясь понять, кто бы это мог быть. – Шея болит, а так вроде всё в порядке...

– Вы просто слишком долго пробыли на холоде, в неудобной позе, – сочувственно сказал незнакомец, пометчая что-то на страницах фолианта. – Ничего, местный лекарь быстро вас подлатает...

– Но где я?

– Не беспокойтесь. Вы у друзей.

Этот ответ, явно призванный успокоить больного, произвёл на сира Филладора прямо противоположное действие. Он его не только не успокоил, но и вызвал к жизни обычно присущее Филладору и лишь ненадолго задремавшее недоверие. Такова уж привилегия тех, у кого друзей раз-два и обчелся: ты знаешь каждого из них в лицо, многократно бывал у них дома, не путаешь их друг с другом, да и вообще постеснялся бы говорить о них во множественном числе.

Филладор уже открыл рот, чтобы уточнить, чьих именно друзей имеет в виду остроумный незнакомец; но тот, видимо уловив его сомнения, заговорил сам:

– Если вам угодно, мы находимся во владениях сира Астурка.

Подозрительность Филладора росла с каждой секундой. Во-первых, упомянутый сир Астурк никогда не был ему другом; во-вторых, несмотря на это, он прекрасно его знал. Не отрывая пристального взгляда от говорившего, он осторожно заметил:

– Но вы – не сир Астурк...

– О, конечно, нет! – незнакомец даже вскочил с кресла. – Простите, что не представился сразу. Меня зовут Олаф Мортенсон, я путешественник...

(Только теперь Филладор осознал, что этот красавчик говорит с почти неуловимым, но всё же заметным акцентом).

– С сиром Витгором Астурком, – продолжал тот, – мы состоим в длительной переписке. Такой длительной, что я дав-

но привык считать его близким другом. Приехал, наконец, повидаться. И что же?.. – Олаф с комическим видом развёл руками. – Оказалось, торопился лишь затем, чтобы узнать, что сир Астурк в отъезде и вернётся ой-ой как не скоро...

– Пойдите, – раздражённо перебил его Филладор. – Это всё замечательно. Я не понимаю одного. Какое отношение я, лично я имею к сир Астурку?!..

– О-о, – Мортенсон снова опустился в кресло, повернув его так, чтобы сидеть лицом к собеседнику. – Это как раз я хотел спросить у вас. Как вам удалось всего за сутки преодолеть такое расстояние?! По моим меркам это сродни чуду. Ведь ваш замок расположен отсюда довольно далеко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.